

САТИРА НА ЦЕРКОВНИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

В бумагах, изъятых у Слепцова при аресте, сохранилась беловая рукопись статьи, озаглавленная «Мнение о народном образовании». При первом же беглом ее чтении становится ясно: перед нами памфлет и пародия.

Нам удалось найти объект сатиры Слепцова, который не был им назван. 29 января 1861 г. в № 5 «Сына отечества» была напечатана статья иеромонаха Невской лавры Иосифа «Мнение о народном образовании», в котором он предлагал сочетать в сельских школах религиозное воспитание и занятия сельским хозяйством. Сопоставление этой статьи с публикуемой рукописью не оставляет сомнений в том, что именно это выступление педагога-публициста в рясе стало непосредственным предметом насмешек и обличений Слепцова. Сравнительный анализ двух статей вводит нас в лабораторию эзоповского мастерства писателя.

Заглавие, начало и многие места статьи Слепцова, которую следует, таким образом, датировать 1861 г., текстуально совпадают со статьей иеромонаха Иосифа. Постоянно, но скрыто, цитируя эту статью и ссылаясь на ее материал (например, на полемику с Забелиным), писатель как бы мимоходом делает замечания, вставляет такие слова, которые разрушают все построение защитника церковно-охранительных взглядов в области народного образования.

К идиллической картине, нарисованной иеромонахом (учащимся в сельских школах будет предоставлена полная свобода), Слепцов делает весьма существенное «добавление», иронически выдержанное в том же тоне идеализации: «Учение и училища должны быть без полицейского надзора. Боже упаси от этой кары! Пусть начальники приезжают, наведываются так себе, словно приехали как бы в гости. Мальчики будут им рады: надарят их своими произведениями; расскажут, что и как сеялось или сажалось, и в заключение могут пропеть какой-нибудь гимн. Ну, идет ли после этого педантизм ревизорский?!»

Иронически «усиливает» Слепцов аргументацию своего «предшественника». Если последний говорил о том, что в основе народного образования должно быть пение (имеются в виду церковные песнопения и гимны: «Коль славен наш господь» и «Боже, царя храни»), то Слепцов добавляет: «и музыка».

Публикуемая статья Слепцова была первой попыткой писателя откликнуться на вопрос о народном образовании, шумно обсуждавшийся в пору реформ. В ней, как сказано выше, оставлена ссылка на статью А. Забелина «Разногласия по вопросу о народном образовании», напечатанную в нескольких номерах «Русской газеты» за май — июнь 1859 г. Но функция упоминания у Слепцова имени Забелина иная, нежели у Иосифа. Писатель не возлагает никаких надежд на примирение спорящих, не предлагает своей методы народного просвещения. Слепцов дает понять читателю, что «разногласия» в реакционно-либеральном лагере по вопросу о народном просвещении совсем не принципиальны. Автор оказывается в равной степени далек и от тех, кто стремился удерживать народ в состоянии невежества и темноты, и от ревнителей народного просвещения, создававших комитеты грамотности, народные школы, «народную литературу». «Продажей на вынос» — называл писатель эту «деятельность» в повести «Трудное время» (II, 83); «...к счастью,— писал он в статье «Попытки народной журналистики», — народ (...) смотрит на эти внушения или с недоверием, подозревая в них непременно какую-нибудь корыстную цель, или относится к ним с глубочайшим презрением, как к неразумной и пустой болтовне» (II, 318).

Слепцов высмеивает самое стремление «вразумлять» мужика. «Мнимо-народные книжки» товарищества «Общественная польза», периодические издания типа «Народное чтение», «Мирское слово» раздражают его, как и других сотрудников «Современника», фальшивым, покровительственно-нравоучительным тоном разговора с народом, как с малыми детьми.

Слепцов подвергал острому разоблачению современных поборников «народного просвещения», видел скрытое желание поддержать и развить в народе религиозные, верноподданические чувства (II, 308—309).

Характер и небольшой объем публикуемой статьи наводят на мысль, что она предназначалась для сатирического журнала. Скорее всего она писалась для «Искры», редакция которой в 1861—1862 гг. уделяла значительное внимание выступлениям против «благонамеренного» «Сына отечества» (см., например, юмореску В. Курочкина «Сын отечества, или Овсяный кисель» в «Искре», 1861, № 49, от 22 декабря).

МНЕНИЕ О НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Прочитав статью г-на Забелина: «Разногласия о народном образовании», помещенную в «Русской газете», 1859, № 19, 20 и т. д., можно судить уже по самому наименованию этой статьи, что дело как-то все не клеится: иной думает так, другой иначе; что значит: верной и основной идеи, на которой бы можно соорудить школы для народного образования и достигнуть цели, не указано. Мало этого, г-н Забелин, как видно из его статьи, заметил и то даже, что мыслители касательно народного образования пришли, наконец, к тому знаменателю, что не знают, с чего начать и чем кончить метод народного образования.

Итак, позвольте мне высказать свое мнение насчет этого дела. Скажу наперед, что я не стану пускаться в длинные суждения. С давних пор замечено, что длинные суждения ровно ни к чему не ведут. Толкуют-толкуют, мудрят-мудрят о чем бы то ни было, а выходит ларчик просто открывается.

Вот мое мнение. В основе народного образования необходимы:

1) *пение и музыка*. Русский народ любит петь, любит слушать и музыку. Начните ж дело с того, к чему мы, русские, от природы так охочи и так склонны. Что петь и что разыгрывать? Церковные партесные ноты, на кои переложены псалмы, разные стихиры и песни светские, восторгающие душу гимны, например, «Коль славен наш господь», «Боже, царя храни» и проч. т~~ому~~ под~~обное~~. Музыка и пение вполне действуют на нас с самой благотворной стороны во всех случаях нашей жизни, в радости и в печали.

Благодушествует ли кто <из> вас, — говорит апостол Иаков, — *да поет* (гл. 5, ст. 13).

Потом:

2) надо знакомить детей с природою, с этой великою творческою книгою*. Тут пение и музыка чрезвычайно как гармонируют с красотою природы. Когда природа в цвету, во всей ее красе, тогда все там поет, веселится, играет, что, впрочем, птицам и всем вообще тварям нисколько не мешает снискивать сродную себе птицу и хлопотать о вскармлении своих детенышей. Вот, например, лес, вода, луга, птицы, разного рода насекомые. Сядьте же на любом пригорке, окружите себя малютками, велите им пропеть: «Благослови душа моя господа» — псалом, где так разительно изображается благодать и мудрость творца вселенной**, или «Коль славен наш господь в Сионе», если к пению этих и подобных им гимнов присовокупите (а непременно должно присовокупить) объяснение самое простое и внятное, то вы достигли своей цели. Дети нечувствительно сделаются добрыми по душе и по сердцу. Они возблагодарят перед творцом вселенной. Вы заплачете от умиления и они заплачут; это будет так — верно!

Вот вам и храм, вот вам и душевные мотивы или, что то же — религиозно-нравственные чувства! Вслед за этим детские грубые чувство-

* Антоний Великий Египетский говаривал: Я во всю жизнь свою (а он прожил 105 лет) не мог перевернуть ни одного листа в этой книге. — *Прим. Слепцова.*

** Есть переложение этого псалма на партес *знаменный*, по тону величественный, торжественный. — *Прим. Слепцова.*

вания сделаются мягкими, впечатлительными. Вы имеете тогда перед собою чистую, прекрасную бумагу — простоту и незлобие детское. Берите же перо — ваш рассудок — и пишите на ней все прекрасное, и все это прекрасное останется в детях неизгладимо. И вот вам за это вечная благодарность. А дабы детей наглядно-опытно познакомить с величием природы, то, наконец, —

3) для этого нужно иметь среди природы ферму и жить наставнику в ней с детьми с ранней весны до сентября. Ферма должна состоять, по крайней мере, десятин из пяти. Здесь дети должны заниматься садоводством, пчеловодством, огородничеством, разведением школ, т. е. сажением, прививанием и колировкой фруктовых деревьев; можно сажать полезные травы, цветы и разного рода кустарники. Грамматика и арифметика с их сухими правилами тут нейдут. На это будет другое время. С сентября уже в школе грамотность и дальнейшее усовершенствование в музыке и пении. Каникул не полагается, потому что пребывание детей на ферме с весны до сентября будет для них то же, что каникулы. Тут дети всегда на вольном свежем воздухе, среди природы, при занятиях полезных и вместе приятных. Гуляние или баловство и на ум им не пойдут.

Вот вам и вся недолга!

Примеч. 1. Устройство фермы и расход, какой потребуется, — от общества. Это на первых порах. Потом, когда ферма усовершенствуется через 5, много 10 лет, тогда она сама себя будет содержать, так что от избытка ее можно составлять библиотеку для школы, приобретать инструменты.

2. Дети поступают в школу с 7-летнего возраста и оканчивают курс своего учения к 17-летнему возрасту.

3. Наставнику жалования — 1000 руб. серебром. Много? Нет, не много. Ему придется находить *по своему вкусу* регента, садовода, а может быть и художника или ремесленника.

4. Учение и училища должны быть без полицейского надзора. Боже упаси от этой кары! Пусть начальники приезжают, навешиваются так себе, словно приехали как бы в гости. Мальчики будут им рады: надарят их своими произведениями; расскажут, что и как сеялось или сажалось, и в заключение могут пропеть какой-нибудь гимн. Ну, идет ли после этого педантизм ревизорский?!

Вообще во всем должна быть предоставлена свобода как учащему, так и учащимся. Оттого и науки называются свободными — *гуманными* (*literae humaniores*). Тысяча крат замечено и опытами доказано, что где свобода, там и успех по всем отраслям наук и искусств. Но где долг — обязанность, там в учащем, как равно и в учащихся, невольно сердце сжимается, рассудок отуманивается, рождается холодность, отвращение к чему бы то ни было, даже к самому полезному. Такова природа наша.

Что прикажете делать?! Дети вообще любят приятное, веселое, игривое. Надо же приспособиться к их любимым свойствам, так уравновешивать, парализовать и самый метод учения, т. е. ни в каком случае не надо давать им разуместь, что они учатся, что это есть их непременный долг. Напротив, их надо, по выражению бессмертного Суворова, «*Заманивай, заманивай*», заманивать, и будет успех; а иначе **пиши** пропало!

В заключение скажу, что мое мнение насчет народного образования не есть какое-либо новое мнение. Нет, оно древнее и очень древнее. Пророк Самуил первый положил в основу народных училищ — пение и музыку. И какие были училища! Какие ученики!!

— Значит, — скажут мне и, пожалуй, еще улыбнутся, — и я хочу сделать сельских мальчиков пророками? Сделайте милость, не думайте так. Самуил не имел в виду сделать своих учеников пророками (пророка, как

и самого пророчества, по нашему произволу не бывает. См. посл. 2 апостола Петра, гл. 1, ст. 21), а только добрыми и умными людьми — вот была его главная цель. Об этой-то цели и у нас теперь толкуют. Но согласитесь, что Самуил открыл самые верные средства к достижению цели

ПРОМОТАВШИЙСЯ ПОМЕЩИК

Рисунок Н. В. Иевлева, конец 1850-х гг. Внизу подпись: «Он проел три тысячи душ и не испортил себе желудок»

Исторический музей, Москва

«Неужели это та лучшая часть нашего общества, которую гордится Россия? Неужели это развитое сословие? Что же остальные-то?» (Из фельетона Слепцова «Я хочу сообщить вам...»)

в народном образовании. Надо было ему сперва затронуть детские чувства, облагородить, возвысить, сделать эстетическими. Чем же? Ни чем более, как пением и музыкою, да простыми рассказами о величии природы, среди самой природы. Это было, так сказать, млеко — первая детская пища; потом, когда дети приходили в больший возраст и имели понятие и рассудок более развитыми, тогда предлагаема была им уже и твердая пища — умственные науки.

Почему же и нам не воспользоваться этими средствами?..

<1861 г.>

Автограф. ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, лл. 43 — 46.